

16+

Таиска Кирова
Практикант

Таиска Кирова Практикант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43085528

SelfPub; 2019

Аннотация

Почему одни живут долго и счастливо, а другие умирают в раннем детстве? Возможно, это судьба. Рассказ был напечатан в Канаде в еженедельной газете Монреалья.

Практикант

Марк встретил меня за три квартала от дома малютки Энни. Мы никогда раньше не встречались, но я без труда узнал его по той простой причине, что кроме нас двоих на этой улице никого больше не было.

Стояло раннее утро, тихое, благословенное прохладой, что так драгоценна в преддверии наступающего дня. Небо на востоке уже наметило красками причал, откуда немилосердное солнце отправится в своё ежедневное паломничество, а припозднившиеся немногие звёзды устало подмигивали и незаметно исчезали: одна за другой. Городок затаился в предвкушении обычной дневной суеты, готовясь принять в объятых потоки машин и людей. Последний месяц лета в этом году выдался жаркий и сухой, клумбы и газоны, скорее серые от пыли, с поблекшими цветами не могли добавить красок бетонным стенам одинаковых безликих домов.

Я с любопытством осмотрелся по сторонам, незнакомый пейзаж вплетал нотку грусти в мое настроение. Марк, внимательный и серьезный, протянул ладонь для рукопожатия. Я пожал его руку, ограничившись кивком головы, из опасения, что дрожащий тембр в голосе выдаст мое неподдельное волнение. Он усмехнулся и сухо произнес:

– Идем, – затем повернулся и решительно зашагал по тротуару.

Секунду помедлив, я бросился его догонять. Утро начиналось, уже заметно посветлело небо, обретая глубину и прозрачность, где-то в кустах, обрамляющих узкие дворики, затенькала пичужка. Словно повинувшись ее команде, солнце высунуло золотую макушку из-за горизонта, сразу обновив цвета окружающего мира. Мы шагали бок о бок в полном молчании, пока он, скосив глаза, не спросил:

– Первый раз?

– Да, – в горле сухо запершило, и я закашлялся, прикрывая рот ладонью.

– Ничего, первый всегда самый трудный.

Марк свернул во двор и остановился перед приземистой пятиэтажкой. Я, едва сдерживая нетерпение, разглядывал темные окна. Где-то здесь меня ждала малютка Энни, я чувствовал ее теплое ровное дыхание.

– Как мы войдем? – осмелился я спросить у Марка.

– Вон там, окно приоткрыто, видишь? – он указал на ряд окон второго этажа. – Нам туда, давай за мной.

Он мягко подпрыгнул, бесшумно расправил крылья и полетел в указанном направлении. Я заторопился и чуть не врезался в стекло, но в последний момент резко увернулся и неловко плюхнулся на подоконник, где меня уже поджидал Марк. Откинув занавески, мы спустились в комнату. Мебели почти не было, старый комод, сверху заваленный тряпьем, да детская кроватка в углу. Выгоревшие обои из последних сил держались за стены, а штукатурка на потолке изящно змеи-

лась трещинами и разводами. Я подошел к кровати и, наконец, увидел ее. Она спала, раскинув ручки на подушке, сладко сопя, маленькая и невообразимо прекрасная – моя Энни. Марк остановился рядом.

– Она – прелесть! – едва сдерживая слезы восхищения, я посмотрел на него.

– Ничего не могу возразить, – Марк широко улыбался, видя мой щенячий восторг. Внезапно, он насторожился. Улыбка сползла с его губ.

– Быстро, за мной, – Марк встал на четвереньки и юркнул под кроватьку.

Без вопросов я последовал за ним. Лишь только мы замерли, прижавшись, друг к другу, дверь отворилась и в комнату вошла женщина. Она, слегка пошатываясь, подошла к спящему ребенку, ее ноги остановились в метре от моего лица. Я затаил дыхание и весь напрягся. Неожиданно, в самом темном углу, где чернильная темнота казалась настолько плотной, что ее можно было зачерпнуть ладонью, раздался легкий скрежет. словно некто невидимый осторожно провел острым когтем по стене. Я обернулся на звук и ...оторопел: оттуда на меня смотрели два глаза, налитых рубиновым цветом. Я в страхе плотнее прижался к Марку, одновременно толкая его в бок. Он повернулся ко мне и тоже увидел это, но не испугался, а наоборот, гневно цыкнул на таинственного визитера:

–А ну, брысь, отсюда!

Глаза обиженно мигнули и исчезли, но было непонятно: то ли существо действительно пропало, то ли просто их закрыло. На всякий случай, я осмотрел подозрительное место, прежде чем повернуть голову в другую сторону. К тому моменту женщина уже ушла, и мы смогли вылезти из-под кровати. Мне очень хотелось задать Марку кучу вопросов, я с трудом сдерживал себя, пока он отряхивался от пыли. Наконец, он первым начал разговор:

– Знаю, знаю, нам совсем не обязательно прятаться – все равно в таком возрасте они нас уже не видят. Просто я не люблю ее, – он отвернулся, сердито поджав губы.

– Не любишь? Но она, же твоя...

– Да! – резко оборвал он. – Ну и что.... Оставим этот разговор. Если у тебя больше нет вопросов, то располагайся, а я пошел, проверю – как там она.

– Нет! Постой! – я догнал его у самой двери. – А то существо, под кроватью?

– А, Махлап. Он из Темных, заходит иногда. Ты не бойся его, Махлап безвредный совсем. Иногда скрежещет зубами, но чаще просто сопит. Если что, гони его взащей. Закливание, надеюсь, знаешь?

– Да, мы уже проходили Темных в академии.

– Ну, вот и хорошо, вот и славно, – Марк хлопнул меня по плечу и вышел.

Я взлетел к потолку и тщательно осмотрел место, которое станет мне домом на ближайшие две недели. А потом

проснулась Энни...

Все последующие дни я ни на миг не отходил от моей крошки. С того самого момента, как она впервые посмотрела на меня и улыбнулась, я, не замечая бега времени, с упоением опекал ребенка. Женщина заходила в комнату только когда малютка начинала плакать. Слегка пошатываясь, окутанная винными парами, она склонялась над кроваткой и брала на руки дитя. Мрачный Марк, плетущийся рядом, поддерживал ее и непрестанно ворчал. Я неизменно испытывал трепет и волнение, а сознание того, что с Энни может что-то случиться, приводило меня и вовсе в дикий ужас.

Вечерами наступало затишье, Марк и я сидели на подоконнике открытого окна, свесив ноги на улицу, и наблюдали, как в небе загораются звезды, вспоминали родной дом, куда непременно вернемся рано или поздно. Раза три к нам присоединялись Пол и Ли, живущие по соседству и невероятно похожие друг на друга. Их близнецы, которым было десять лет на двоих, отчаянные сорванцы и непоседы, рассуждали так: если день проходил без приключений, значит, жизнь не удалась. Неудивительно, что Ли все время испытывал приступы легкой паники, а Пол иногда заикался.

Меня можно было назвать счастливым, если бы одно обстоятельство не омрачало жизнь – день ото дня Марк становился все более хмурым и недовольным. Я пытался поговорить с Марком о том двойном бремени, что ляжет на его плечи, когда я покину малышку. Но он грубо оборвал меня

на полуслове и скрылся в другой комнате, громко хлопнув дверью. Преследовать его я не стал, справедливо рассудив, что все уляжется само собой. Однако я ошибался...

В день моего отъезда близнецы устроили костер под лестницей. Кажется, они пытались выкурить Махлапа. К несчастью, накануне дворник ушел в запой, и канистра с бензином, оставленная им для газонокосилки, оказалась весьма некстати.

Я заметил легкое облачко дыма, просочившееся под дверью, и почувствовал едкий запах гари сразу после обеда. Малышка Энни сладко спала, так же как и ее мать, накачанная алкоголем под завязку. Я бросился к ребенку, хотя знал, что ничего уже не смогу изменить. Комната быстро наполнялась дымом. Попытки разбудить Энни окончились неудачей. Несколько раз она судорожно закашлялась, но так и не проснулась. Ее стиснутые кулачки расслабились, ладошки раскрылись как диковинные цветы, она всхлипнула в последний раз и перестала дышать. Все это время я наблюдал за агонией, бессильный хоть как-то помочь.

Мысль, что нужно позвать на помощь Марка в тот момент даже не пришла мне в голову. Но потом я вспомнил о нем и бросился в другую комнату. То, что я увидел там, еще долго будет преследовать меня в воспоминаниях. Языки огня ползли по стенам, жадно срывая куски обоев, горели занавеси на окне, добавляя дыма в клубящийся потолок. Старенький продавленный диван, на котором лежала женщина, по-

ыхал с одной стороны, издавая едкую вонь паленой шерсти напололам с запахом горелой плоти – у женщины горели ноги. Но, судя по тому, как она лежала, не двигаясь, я пришел к выводу, что она тоже мертва. Марк сидел возле женщины и нежно гладил ее по руке. Он повернул ко мне лицо, мокрое от слез, и это поразило меня даже больше, чем смерть малютки.

– Прости, я солгал тебе, – глухо сказал он.

– Что? – не понял я.

– Я солгал тебе, – повторил Марк, – когда сказал, что не люблю ее... Он ненадолго замолчал, собираясь с мыслями, а затем продолжил:

– Когда она была маленькой и могла меня видеть... их легко любить в этом возрасте, ты знаешь. Они делают первые шаги и учатся произносить слова, пробуют этот мир на вкус и утверждают в нем. Но потом, в какой-то момент, ты вдруг понимаешь, что твоя кроха, растеряла всю чистоту, но и тогда любовь не исчезает. Она остается внутри тебя маленькой искоркой порой так глубоко, что временами забываешь о ее существовании. Я обрадовался, когда у нее родился ребенок, я думал, ей дали второй шанс, но они прислали тебя. Я понял, что малютка Энни обречена и ...

– Ты знал? – я перебил его. – Знал с самого начала и ничего мне не сказал?

– Послушай, Эл, – Марк впервые назвал меня по имени, – неужели ты думал, что они пришлют вместо тебя кого-то

другого? Ангел дается человеку один и ведет его по жизни от рождения и до самой смерти. По-другому и быть не могло. Тебе пора возвращаться домой, а это значит, что Энни тоже придется уйти.

Я отступил от него на шаг и горестно воскликнул:

– Ты мог мне сказать сразу! Марк, почему ты ничего не сказал? Никак не подготовил... Ты не знаешь, что я чувствую....

– Не знаю?! – он вскочил и в ярости сжал кулаки. – Да если ты хочешь знать, все мы через это проходим. Посмотри вокруг – и Пол, и Ли, и я... Первый раз всегда трудно, поэтому никто не делится, каждый хранит в сердце боль первой потери. Подумай об этом.

Он сорвался с места и вылетел в окно, сминая хрупкое стекло. Осколки веером брызнули в разные стороны, рассыпались крошечками на полу. С новой силой вспыхнуло пламя, жадно пожирая все на своем пути. Я выскочил в другую комнату, где лежало маленькое тельце, но не нашел в себе сил в последний раз взглянуть на нее. Я не хотел помнить Энни такой – холодной и неподвижной, я просто ушел, не прощаясь.

А потом долго кружил над домами, старательно избегая едкого черного облака, подгоняемого ветром. Смутно помню, как мимо промчались Пол и Ли, слишком занятые собой, чтобы обращать на меня внимание. Я проводил их взглядом и опустился на закопченную крышу.

Незаметно подкрался вечер. Давно уехали пожарные расчеты, кареты скорой помощи, натужно ревя, умчали раненых и погибших. Любопытствующая толпа постепенно сошла на нет. Только самые стойкие продолжали пялиться на темные провалы выгоревших квартир.

В какой-то момент бледнеющее небо сменила чернильная тьма, разбавленная светом далеких звезд. Они усыпали небосвод так густо, что казалось – нет более места на покрывале госпожи ночи. Однако звезды все появлялись и появлялись, пока переполненное небо не стало скидывать их на землю – то здесь, то там вспыхивали и гасли яркие полосы звездного дождя. Я сидел под звездами на крыше и тихо плакал, роняя перья с опаленных крыльев.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0 автора **Stefana Kellera**